

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Ева Львова

Презумпция невиновности

Ева Львова

Презумпция невиновности

Серия «Адвокат Агата Рудь», книга 4

Серия «Адвокатский детектив»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5010449

Львова Е. Презумпция невиновности : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62968-8

Аннотация

Адвокат Агата Рудь и ее коллега Борис Устинович неожиданно для себя попали на представление в иллюзариум – театр с элементами цирка. А там прямо на их глазах погибла артистка – Дина Муратова. Подозрение пало на ее мужа Руслана, ведь именно он отвечал за спецэффекты на спектакле. Быстро выяснилось, что год назад в иллюзариуме уже произошел один несчастный случай – вырвавшиеся из клетки тигры загрызли дрессировщицу Варвару, в которую был безответно влюблен Руслан. Казалось бы, все ясно – он подстроил первое убийство из мести, а теперь разделался с надоевшей женой. Но Агата, взявшаяся защищать Руслана, сразу заподозрила: не все так просто...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

80

Ева Львова

Презумпция невиновности

По себе знаю, что приезд дальних родственников – радость довольно сомнительная. А незапланированный визит двоюродного брата из Питера с десятилетней дочерью – и подавно. Оживление Бориса от внезапной встречи с родней сменилось растерянностью сразу же после того, как питерский родственник умчался в Тюмень покупать активы никелевых компаний, оставив дочь Викторию для того, чтобы Устиновичи показали девочке Москву. С появлением Вики спокойная жизнь адвокатской конторы «Устинович и сыновья» безвозвратно закончилась. Вместо плодотворной работы на благо клиентов мы каждый день наблюдали, как дитя неприкаянно слоняется по офису, думая, чем бы себя развлечь. Мы – это адвокаты Маша Ветрова, мой приятель Борис Устинович по прозвищу «Джуниор», младший из тех самых «сыновей», и ваша покорная слуга. Зовут меня Агата Рудь, и я тоже, как вы, наверное, догадались, адвокат. С нами вместе за страданиями ребенка наблюдала бессменная секретарша адвокатского бюро Кира Ивановна Пермская, однако она тоже не знала, как помочь Виктории.

Глава конторы пробовал оставить девочку дома, но это ему аукнулось непредвиденными проблемами – пытливый ребенок залез в Интернет и заразил вирусами все три имев-

шихся в доме компьютера, лишив гостеприимное семейство Сети. Наученный горьким опытом, Эд Георгиевич теперь каждый день привозил племянницу с собой на работу и поручал заботам Бориса, а Устинович-младший перекладывал эту обузу на плечи коллег. В конторе завелась внушительная стопка компьютерных игр, к которым Вика остывала так же стремительно, как и загоралась желанием их приобрести. В порыве отчаяния Джуниор поставил девочке первый сезон «Правосудия Декстера», но зашкаливающее количество ненормативной лексики, которой виртуозно владеет сестрица главного героя полицейская эмансипе Дебра Морган, вызвало нарекания со стороны Киры Ивановны, женщины интеллигентной и застенчивой. После особенно удачного пассажа полицейской дивы секретарша не выдержала и сделала выговор Борису, и приятель был поставлен перед выбором: либо вставить в уши Виктории наушники, либо лишить племянницу культового сериала. Прикинув возможные последствия, Борис выбрал последнее, и теперь девочка, отлученная от экрана компьютера, в задумчивости стояла перед пятисотлитровым аквариумом и внимательно рассматривала рыб.

– Вика, ты была на Красной площади? – вдруг спросила Кира Ивановна.

– Что я там забыла? – вяло откликнулась родственница Устиновичей, не отрывая взгляда от неторопливо двигающихся в воде астронотусов.

– Когда я была школьницей, в нашем классе считалось постыдным не побывать в Кремле, – значительно проговорила секретарша. – Если хочешь, могу тебя сводить в Грановитую палату.

Вика оторвалась от созерцания рыб и обернулась к стойке ресепшен, за которой расположилась секретарша.

– А в нашем классе считается постыдным не иметь четвертый «Айфон», – прищурилась она, демонстративно рассматривая старенькую «Нокиа» Киры Ивановны.

Старейшая сотрудница нашей конторы обиженно поджала губы, а Вика протяжно позвала:

– Бо-орь, а Бо-орь!

Джуниор вздрогнул и, оторвавшись от изучения документов по делу Синицына, вопросительно посмотрел на девочку.

– Я пойду во дворе погуляю, – сообщила она и, не дожидаясь ответа, выскользнула на улицу.

– Десять минут покоя, – с облегчением выдохнула Маша Ветрова, в принципе не любившая детей.

Смартфон на моем столе подпрыгнул и завибрировал – в последнее время он звонил довольно часто, и, чтобы не раздражать коллег, я отключила звуковой сигнал. Это снова был Митя. И звонил он, чтобы спросить, где я сейчас нахожусь и не смогу ли приехать. Ехать надо было к Мите в студию на другой конец Москвы, ибо фотохудожник Рындин постоянно нуждался в одобрении своего творчества. Познакоми-

лись мы месяц назад на «Красном Октябре». Там в шоколадном цеху выставлялся наш с Борькой общий приятель Вадим Пещерский в компании трех других начинающих дарований фотоискусства. Очутившись в выставочном зале, кудрявый друг тут же позабыл о моем существовании и, ведомый Пещерским, устремился к шумной компании парней, азартно уничтожающих предложенную на презентации выпивку. Я же отправилась бродить между работами, подолгу задерживаясь около тех фотоснимков, которые чем-то цепляли. Изощренный цинизм, к которому, как к средству художественного выражения идеи, прибегал наш друг Пещерский, вступал в резкий контраст с беззащитно-трогательной художественной манерой некоего Мити Рындина. И я, как замороженная, переводила глаза с одной стены, где скинхеды поэтапно добивали свернувшегося калачиком на земле кавказца, на другую стену, откуда смотрели на меня добрые коровьи глаза и трогательные морды коз, заботливо облизывающих своих козлят. Цикл работ Рындина назывался «Скоты», в то время как фотографии Пещерского демонстрировались под вывеской «Цари природы».

– Как тебе? – прозвучал за спиной неуверенный голос.

Я обернулась и увидела смущенного парня в прямоугольных очках в роговой оправе, с тщательно взлохмаченной челкой и небрежной щетиной, заменявшей ему бороду. На парне были такие же красные кеды, как у Пещерского, желтая рубашка в бирюзовую клетку – Вадик носил похожую, и

узенькие зеленые брючки, из чего я сделала вывод, что это один из тех самых фотохудожников, которых Борька пренебрежительно называл индии-кидами. И, судя по волнению в голосе, не кто иной, как Митя Рындин.

– Классно, Митя, – ответила я, ни капли не покривив душой.

– Мы знакомы? – улыбнулся фотограф, глядя на меня лучистыми глазами.

– Некоторым образом, – ушла я от ответа. – Можно после выставки купить твои работы?

– Зачем покупать? – порозовел от удовольствия фотограф. – Выбирай все, что понравилось, я подарю.

– Даже не знаю, все снимки такие милые, – растерялась я, разглядывая фотографии.

– Я должен посмотреть твою квартиру, чтобы решить, что больше подходит под интерьер, – робко сказал Рындин и отчаянно покраснел. – Ты как, не очень занята?

Через сорок минут мы сидели в кофейне на Маяковке, сбежав с презентации и никого не поставив об этом в известность. Через день бесцельно шатались по улице, взявшись за руки и не глядя по сторонам. А через неделю жили в моей квартире, изредка заглядывая в Митину студию на верхнем этаже пятиэтажки, чтобы забрать книгу контркультурного автора в оранжевой обложке или какую-нибудь «эппловскую» ерунду, до которой Митя был большой охотник. Узнав о том, что мы с Рындиным встречаемся, кудрявый

друг принялся топтать мои светлые чувства, называя скандал, который закатил, попыткой образумить свихнувшуюся подругу.

– Ты видела его надменное лицо? – вопрошал Борис. – Он же самодовольный хипстер¹, у него запредельное чувство собственного великолепия, и за снисходительное отношение ко всем, кто не понимает его «независимое искусство», Рындина бьют даже эмобои². Хотя вкуса у твоего Мити нет по определению. Достаточно взглянуть, как он одевается. Он еще не купил тебе в «Zar'е» лосины в термоядерный горошек?

– На себя посмотри! – не выдержала я, хотя поначалу и собиралась сохранять спокойствие. – Сам носишь клетчатое пальто!

– Я его ношу от безысходности, мне трудно подобрать на свои габариты подходящую одежду, а твой мальчик-светофор осознанно делает выбор и рядится с вызывающим шиком! Чего стоит один пиджак из «секонд-хенда», купленный якобы в Амстердаме, где твой Рындин не разу не бывал, но говорит об этом городе так, будто родился в нем и вырос.

– Митя творческая личность, и манера ярко одеваться – это способ общения с миром! – встала я на защиту сердеч-

¹ Хипстер – термин, образовавшийся в 40-х годах XX века в США от жаргонного «to be hip» – быть в теме. В наше время употребляется в значении «обеспеченная городская молодежь, увлекающаяся элитарным зарубежным искусством».

² Эмобой – по меткому замечанию энциклопедии контркультуры «Луркоморье», эмобои произошли от скрещения гота и барби.

ного друга.

– Скажите, какие мы оригиналы! – злился Джуниор. – Как мы не хотим сливаться с серой массой! Я вижу таких умников насквозь! Знаешь, какие у твоего Мити цели в жизни? Выучить наизусть имена всех инди³-музыкантов, носить джинсы уже, чем у него ноги, переехать в Англию навсегда, и самая глобальная жизненная мечта – стать олигархом, при этом оставаясь алкашом!

– Он гений, Борь, и ты ему банально завидуешь, – отрезала я и, выплеснув недопитый чай в мойку, покинула кухню нашей конторы, где разгорелась эта нешуточная битва.

Безусловно, я отдавала себе отчет, что увлеклась человеком талантливым, и многие заскоки Мити мне казались милыми чудачествами. Многие, но далеко не все. Привыкнуть к ежеминутным звонкам с одним и тем же вопросом «Агата, где ты? Что делаешь? Кто с тобой рядом?» было невозможно. Со временем я поняла, что Митя не очень уверен в себе, поэтому хочет быть абсолютно уверен во мне, своей подруге. Это жутко отвлекало от дел и потому злило.

– Рындин тебя домогается, – мрачно проговорил Борис, кивая на мобильник. При каждом удобном случае приятель ясно давал понять, что не одобряет мой выбор.

³ Инди – от *англ.* Independent – независимый.

Сняв трубку, я выслушала обычные расспросы о месте моего пребывания, дежурно ответила: «Сижу в конторе, работаю над делом, а окружают меня коллеги женского пола» – и, не спуская глаз с кудрявого друга, успокоила Митю, что Устиновича-младшего сейчас в офисе нет – он уехал по служебным делам.

– Строг он у тебя, – покачал головой Джуниор, как только я повесила трубку.

– Ревнивый мужчина – это наказание господне, – глубокомысленно изрекла Кира Ивановна и кокетливо поправила выбившийся из пучка локон. – Коллеги, вы решили, кто будет вести дело Казенкиной? Звонил ее муж, требовал ответа.

Дело Светланы Казенкиной было довольно сложным, но не с юридической, а с моральной точки зрения. Юная красотка поздним вечером не справилась с управлением «Кадиллаком Эскалейд» и врезалась в автобусную остановку, убив пять человек – трех детей и двух взрослых, многодетную семью, возвращавшуюся из гостей. С места преступления девица скрылась, бросив пострадавших умирать на дороге. Муж Светланы – сенатор Казенкин – пришел лично к Эду Георгиевичу и попросил дать хорошего адвоката, чтобы спасти супругу от грозящего срока. Дело получилось громкое – средства массовой информации тут же принялись осве-

щать ход следствия, и Казенкиной срочно был нужен грамотный защитник. Глава конторы тут же подкинул денежное дельце Устиновичу-младшему, однако Борис наотрез отказался браться за защиту мадам Казенкиной, заявив, что, если клиентку оправдают, он не сможет спокойно спать по ночам, а если не оправдают, значит, он, Борис Устинович, плохой адвокат. Тогда вперед выступила Маша Ветрова и предложила свою кандидатуру в качестве защитницы Светланы.

– Если еще раз позвонит сенатор, передайте ему, что я согласна защищать Казенкину, только пусть гонорар удвоят, – обернулась Ветрова к секретарше. – И поставьте чайник – надо чайку попить, раз уж выдалась спокойная минутка. Думаю, девчонка проторчит на улице полчаса, не меньше – я сама в детстве любила собирать цветочки, плести веночки и делать секретки.

Однако Вика вернулась гораздо раньше отмеренного Ветровой срока. Лишь только Маша поднялась со стула, как входная дверь распахнулась от удара детского плеча, ибо руки девочки были заняты: в сложенных лодочкой ладошках Виктория что-то несла. Ввалившись в контору, девочка сосредоточенно протопала к аквариуму, влезла на стул, сдвинула локтем аквариумную крышку и без лишних разговоров кинула в воду крохотного лягушонка. Красно-оранжевый астронотус размером с утюг тут же подплыл к подношению и, распахнув внушительный рот, строением сходный с ковшом экскаватора, в мгновение ока заглотил добычу. Про-

водив лягушонка исследовательским взглядом, Вика удовлетворенно произнесла: «Земноводное сожрал, а сожрет ли птицу?», и прыгнула было на пол, чтобы снова отправиться на улицу и принести добычу покрупнее, но Эд Георгиевич нарушил ее планы. Глава адвокатской конторы вышел из кабинета и остановился прямо перед Викторией.

– Ну-с, барышня, – строго проговорил он, – не пора ли вам обедать?

Это означало, что Борис должен бросить все свои дела и отвести девчонку в ближайший «Макдоналдс». Тяжело вздохнув, Борька отложил в сторону папку с делом Синицына и обреченно поднялся со стула.

– Агат, ты как насчет обеда? – с надеждой спросил он.

– Можно и пообедать, – поддержала я кудрявого друга.

– Борис, можно тебя на пару слов? – окликнул сына Эд Георгиевич.

Одергивая мятый пиджак, Борька прошествовал через офис в начальственный кабинет и застыл в дверях в позе предельного внимания.

– У меня во второй половине дня важные переговоры, отведите Вику в кино, – тихо попросил шеф.

– То есть в контору можем не возвращаться? – обрадовался Джуниор.

Эд Георгиевич секунду подумал, а затем утвердительно кивнул головой. Я подкрасила губы, сунула косметичку в сумочку и, сменив офисные туфли на уличные, твердо решила,

что в кино мы не пойдем, а отправимся в иллюзариум.

* * *

Красивое двухэтажное здание начала двадцатого века, в котором ныне находится иллюзариум, я помню с раннего детства. Дом расположен сразу же за Аптекарским переулком в глубине сада Малютина, в непосредственной близости от Новой Басманной улицы, где прошло мое детство. Когда-то в этом особняке был музей истории цирка, и, возвращаясь из школы, я частенько забредала туда поглазеть на яркие костюмы или просто посидеть в гулкой прохладе холла с мраморными колоннами, благо вход для школьников был бесплатный. Помню, как в первый раз я заглянула в музей, спасаясь от дождя, да так и застыла перед картиной «Гуттаперчевый мальчик». Неизвестный художник изобразил бледного худенького подростка с огромными недетскими глазами, полными затаенного страха. Широко раскинув руки, мальчик шел под куполом цирка, и черные трико и шапочка на нем переливались в свете прожекторов, как кожа волшебной змеи. При взгляде на полотно казалось, что еще секунда – и нога мальчишки соскользнет с каната, и он полетит, взмахнув руками, в свой прощальный полет. От этого становилось страшно, но в то же время неотвратимость падения притягивала взгляд. Хотелось смотреть на картину не отрываясь, что я и делала, подолгу застывая перед по-

лотном и изучая выражение бездонных глаз юного гимнаста. Картина производила сильное впечатление, но не только она привлекала меня в музей. Пожилая искусствовед в строгом синем костюме охотно рассказывала о цирковых артистах и удивительных номерах, а также о создателе первого в стране иллюзионного театра – иллюзариума – Казимире Крестовском. Потомок цирковой династии получил это здание в подарок от самого Луначарского, чем очень гордился. Дом был и в самом деле непростой, а с историей.

В начале двадцатого столетия известный антрепренер Яков Малютин взял в аренду пустырь, на который со всей Москвы свозили обломки старых карет. Место для развлекательного заведения было хорошее – недалеко от Разгуляя, где вечерами собиралась праздная публика с достатком. Расчистив свалку, арендатор попробовал посадить на пустыре цветы и деревья, но, как он ни усердствовал, на бедной минералами почве ничего не росло. Тогда Малютин велел срезать верхний слой земли и привезти столько чернозема, сколько понадобится для создания райского сада, как он себе задумал. На озеленение ушло немало заемных средств, но антрепренер твердо верил, что со временем проект окупится. Следом за облагораживанием территории он планировал постройку единственного в своем роде театра с необычной сценой – в форме сферы. Похожая на арену, она давала возможность со всех сторон видеть актеров и при этом исключала декорации в привычном понимании этого слова: кулис,

как таковых, не предусматривалось. Возведя здание театра и отделав его гранитом и мрамором, Малютин собрал театральную труппу и начал давать спектакли. Но представления, к немалой досаде антрепренера, не вызывали интереса публики. То ли актеры подобрались бездарные, то ли сама идея пугала привычных к классическому видению действия господ-театралов, но факт остается фактом – проект не отбивал вложенных в него средств. Тогда Малютин свернул все пьесы и попытался сдать театр в аренду. Снял его хозяин заезжего цирка Поль Крестовский, но долго не продержался и тоже съехал. Затем началась революция, Малютин успел эмигрировать, а здание национализировала молодая Советская республика и передала сыну Поля, Казимиру Крестовскому, талантливому ученику иллюзиониста Жанарэ, который прославился созданием в Париже первого в мире иллюзариума. Особенность иллюзариума заключалась в том, что представления соединяли в себе цирковые жанры с театральным искусством и имели единую сюжетную линию, обыгрываемую при помощи цирковых приемов. И вот, заручившись поддержкой новой власти, Казимир Крестовский создал наш, российский иллюзариум, где проходили волшебные спектакли с удивительными мистериями и экзотическими превращениями. Для метаморфоз использовались сложные механизмы, которые теперь, когда иллюзариума не стало, были выставлены на всеобщее обозрение в холле первого этажа по обе стороны от «Гуттаперчевого мальчика», со-

ставлявшего ядро композиции.

Удивительный цирковой театр закончил свое существование вместе со смертью его основателя: дочь великого Казимира Регина Крестовская не смогла или не захотела продолжить дело отца, хотя и стала артисткой цирка. Как бы то ни было, замены великому иллюзионисту не нашлось, и в начале семидесятых годов в саду Малютина Министерство культуры организовало музей истории цирка. Каково же было мое удивление, когда лет пять назад над музеем вдруг снова появилась вывеска «Иллюзариум»! Прочитав знакомое название, я дала себе слово, что непременно схожу на представление, но как-то все не предоставлялось случая. Теперь же у меня появилась такая возможность, и я не собиралась ее упускать.

* * *

Отогнав детские воспоминания, я легонько подтолкнула Викторию в спину и вышла следом за ней на улицу.

– Ну что, сначала в «Макдоналдс», потом в кино? – захлопнув за собой дверь конторы, безрадостно осведомился Борис, которому все это порядком надоело. Мы остановились на парковке перед Борькиной машиной, и кудрявый друг красноречиво посмотрел на меня.

– А у меня другое предложение, – отозвалась я, беря в руку горячую Викину ладошку. – Виктория, как ты смотришь

на превращения и фокусы?

– Да ну-у, фигня-я, – заняла юная родственница Устиновичей, вырывая у меня ладонь. – В прошлом году я была в Диснейленде, там тоже говорили, что в доме живых мертвецов все будет по-настоящему, а на самом деле были ряженые уродцы. Я думала, там будет вырванное клоками мясо и лужи крови, а мне показали только дурацкие резиновые костюмы. Что я, дура, что ли, не разберу, где настоящий ужас, а где фальшивка?

Вика скептически усмехнулась, дернув розовой щечкой, и Борька, заведя очи долу, отчетливо застонал. В принципе, я понимала маму кудрявого друга, сказавшуюся больной почками и на второй день присутствия питерской гостьи сбежавшую в профильный санаторий. Я бы тоже поостереглась целый день один на один оставаться с продвинутым ребенком.

– Вик, это здесь рядом, давай попробуем сходить, не понравится – всегда можно уйти, – настаивала я, обнимая девочку за плечи и настойчиво подталкивая к машине.

– купишь большую колу и чипсы «Принглз», тогда пойду, – продолжала торговаться Вика. – Кстати, изобретатель упаковки этих чипсов так гордился своим изобретением, что завещал похоронить себя в своем детище. В смысле кремировать, а прах пересыпать в баночку от «Принглз». Круто, правда?

– Что ты мне зубы заговариваешь! Какая кола, у тебя гастрит! – заволновался Борис. – Отец запретил тебе пить ши-

пучку!

– Да ладно, Борь! Купим ей баночку ноль тридцать три, от такого количества ничего не будет.

– Как же, нужна мне маленькая баночка! – разозлилась Вика. – Сама ее пей!

– Вик, большую колу тебе точно не купят, а маленькая все же лучше, чем ничего, – философски заметила я, искоса поглядывая на собеседницу.

Досадливое сопение девчонки я расценила как нашу победу и подмигнула кудрявому другу. Устинович-младший кинул на меня кислый взгляд, в котором помимо отчаяния все же сквозила некоторая доля признательности, и, уныло опустив плечи, плюхнулся за руль. Вика тут же устроилась на переднем пассажирском сиденье, скинула босоножки и положила голые ноги на торпеду, предоставив мне располагаться сзади. Что я и сделала, скромно усевшись в стареньком «Форде Фокусе» кудрявого друга. На своей машине я решила не ехать – после представления заберу.

К иллюзариуму мы подъехали через пять минут – наша адвокатская контора находится в шаговой доступности от развлекательного заведения. Оставив машину в парковой зоне, где теперь вместо левкоев и роз протянулась асфальтированная парковка, мы проследовали к кассам и без особых проблем купили билеты на представление под названием «Волшебная лампа Аладдина». Да это и не удивительно – цена билета на имевшиеся в продаже места равнялась при-

близительной стоимости перелета из Москвы в Анталию, поэтому у касс никто особо не толпился.

– Когда мы будем обедать? – надула губы Вика, наблюдая, как Устинович-младший рассчитывается за билеты. – Между прочим, я хочу есть.

– Думаю, в буфете мы сможем купить бутерброды и кофе, – предположила я, следом за Джуниором покидая кассу и направляясь по мощеной дорожке в глубину парка. Дорожка начиналась от дверей иллюзариума и вела прямо к летнему кафе под полосатым зонтиком.

– Хочу поесть прямо здесь, – захныкала Вика, поглядывая на пластиковые столики, к которым мы приближались.

– Пицца тебя устроит? – хмуро осведомился Борис, притормаживая у стойки и изучая прейскурант.

– Можно и пиццу, только запивать я буду колой, – быстро выпалила девчонка.

Оставшиеся до представления полчаса мы ели сухую лепешку, намазанную томатной пастой и сдобренную колбасой и сыром вперемежку с водянистыми овощами, и запивали ее холодным чаем, купленным кудрявым другом взамен колы.

– Плевать я хотела на чудеса, – тянула Вика, дожевывая резиновую пиццу. – Я, например, уверена, что ничего интересного не будет.

– Ого, как категорично! – хищно улыбнулся Борис, сжимая стакан так, что побелели костяшки пальцев. При этом глаза его сделались колючими и злыми.

– Я уже была на двух мюзиклах, скукотища жуткая, – не замечая настроения родственника, продолжала Вика. – Только поют да танцуют.

– А тебе надо, чтобы кому-нибудь шею свернули?

– Ну да, конечно, дождешься тут, – разочарованно вздохнула девочка, отодвигая опустевшую тарелку.

Я уже давно сидела как на иголках, мне не терпелось как можно скорее заглянуть в фойе и посмотреть, что же изменилось в иллюзариуме. Оставив после себя кучу мусора, Вика выбралась из-за стола и двинулась ко входу в особняк.

– Эй, а посуду кто будет убирать? – окликнул ее Борька.

– Уж точно не я. Для этого есть специально обученные люди, – не поворачивая головы, откликнулась курносая крошка.

Не будучи специально обученной, я все же собрала пластиковую посуду с остатками Викиной еды и выбросила все в ближайший мусорный бак. Мне помогал Борис, собственноручно донесший до мусорки пластмассовую вилку и обглоданную корку от пиццы.

– О, смотри-ка, музей циркового искусства, – оживился приятель, указывая на скромную вывеску над боковым входом с торца здания.

– Между прочим, я в детстве в нем бывала, – похвасталась я.

– И что там?

– Много чего интересного. После представления можно

заглянуть.

– Давай сначала досидим до конца спектакля, – без особой уверенности отозвался Борька, неприязненно глядя на узенькую детскую спину, независимо мелькающую впереди.

Девочка подошла к входным дверям и теперь чуть в стороне поджидала нас, ковыряя пальцем штукатурку и пропускавая народ внутрь здания. Несмотря на будний день, публика охотно шла на представление иллюзариума. В этом не было ничего странного – в дни школьных каникул родители стремятся сводить ребенка в интересное место, особенно если удастся раздобыть билеты подешевле, заблаговременно заказав их в Интернете. Я же была не рада, что мы пришли на представление, и очень жалела, что не отговаривала Бориса выкладывать бешеные деньги за оставшиеся места в вип-зоне первого ряда. А между тем по фойе фланировали довольные жизнью зрители, купившие билеты по умеренной цене за месяц до представления, и рассматривали старинные цирковые афиши, оставшиеся здесь со времен музея. «Гуттаперчевый мальчик» тоже был здесь – полотно по-прежнему висело посреди стены недалеко от входа и привлекало внимание зрителей выражением смертельного ужаса на бледном мальчишеском лице.

– Лютая хрень, – отшатнулся от картины Джуниор, повернувшись за угол и неожиданно наткнувшийся на шедевр неизвестного автора, датированный тысяча девятьсот шестнадцатым годом.

– Что, понравилось? – подтолкнула я приятеля.

– Впечатляет, – согласился тот.

Пока я приглаживала вихры перед большим зеркалом, Борис озирался по сторонам в поисках Вики. За то время, что мы провели в дверях, предъявляя билеты, девчонка куда-то убежала. Обнаружилась она у входа в зрительный зал, болтающая с продавщицей программок. Перед сухонькой старушкой с тщательно уложенным начесом седых волос и бейджи-ком «Администратор» на узенькой груди возвышался пластиковый стол, на котором были разложены программки, рекламные проспекты и несколько экземпляров книги «Иллюстриум мечты» за авторством Регины Крестовской.

– Бабка говорит, что она дочь основателя этого балагана и вроде бы написала книгу о своем отце, – нимало не смущаясь присутствием обсуждаемой особы, громогласно заявила Виктория, рассматривая яркую обложку книги. – Предлагает сделать дарственную надпись, если купим.

Я оторопела от неожиданности. Могла ли я предположить, отправляясь на спектакль, что увижу саму Регину Крестовскую?

– Вика, прекрати! – сердито одернул девчонку Борис. И, повернувшись к обескураженной Регине Казимировне, добавил: – Прошу прощения. Девочка приехала из другого города, пока не освоилась в Москве.

– Эй, на минуточку, я, между прочим, из Питера – Северной столицы нашей родины! И нечего делать из меня дрему-

чую чукчу!

– Тогда не веди себя как чукча! – повысил голос Борис. И, обращаясь к Крестовской, учтиво попросил, указывая на меня: – Будьте так добры, сделайте дарственную надпись, я хочу подарить вашу книгу подруге.

– Что за дела? – возмутилась Вика. – Когда я просила купить резиновый глаз на блюде, ты говорил, у тебя нет денег! Значит, врал?

– Врал, Вичка, врал, – устало согласился Джуниор, доставая из похудевшего бумажника несколько купюр.

Между тем я во все глаза рассматривала престарелую родственницу знаменитого иллюзиониста. В памяти сразу же замелькали фотографии начала века, виденные мною в музее циркового искусства. Летящие через обруч тигры в спектакле «Книга джунглей», лилипуты в пышных жабо из «Путешествия Гулливера», усаые силачи с гирями, поднятыми над головой на вытянутых руках, и, конечно же, факир в восточных одеждах – сам неподражаемый Казимир Крестовский.

– Как вас зовут? – вывела меня из задумчивости администратор заведения.

– Агата Рудь, – встрепенулась я.

Старушка растерянно улыбнулась.

– Фамилию не расслышала, – извиняющимся тоном проговорила она.

Я достала из сумочки визитку и положила перед ней на

стол. Пожилая женщина взяла картонный прямоугольник в руки и поднесла к глазам, вчитываясь в текст.

– Так и напишем: «Милой Агате Рудь с наилучшими пожеланиями от автора», – раскрывая ближайшую книгу на титульном листе, проговорила она и взялась за ручку.

– Подпишите еще одну, для молодого человека, – попросила я, заранее доставая деньги.

– Да вы что, совсем обалдели, второй экземпляр этой фигни покупать? – на все фойе возмутилась Борькина родственница. – Никто эту муру читать не будет! Поставите на полку, пыль собирать. Лучше купите сахарной ваты, если вам денег не жалко!

– Да замолчишь ты или нет! – с силой тряхнул девчонку Джуниор. – Сейчас уйдешь отсюда!

– Ну и уйду, и пожалуйста, не очень-то и хотелось! – обрадовалось дитя, поворачиваясь в сторону выхода.

– Стой, поганка, я сказал! – разъярился Борька. – Ты у меня получишь сахарную вату!

Крестовская сделала успокаивающий жест рукой и проговорила:

– Купите девочке сахарной ваты вместо второй книги, а я допишу ваше имя рядом с именем приятельницы. Будете читать книгу по очереди.

– Да, пожалуй, так мы и сделаем, – обрадовалась я.

Вика надулась и отошла в сторону, искоса поглядывая, как старушка снова открывает титульный лист и заносит над ним

ручку.

– Как зовут вашего кавалера? – уточнила Регина Казими- ровна.

– Борис Устинович, – хмуро ответил за меня Борька, раз- досадованный поведением племянницы.

– Еще раз простите нас за Вику, – взмолилась я, забирая подписанный экземпляр и передавая его Борьке. Все-таки он мужчина, вот пусть и носит увесистые биографические фо- лианты, мне в сумке и толстеного «Шантарам» хватает. – И дайте, пожалуйста, программку.

– Дети есть дети, – протянула программку администратор и улыбнулась понимающей улыбкой.

Тем временем подошли новые покупатели, с интересом посматривая на рекламные проспекты и книги. Я кинула неуверенный взгляд на визитку, покоящуюся рядом с ручкой на столе, и решила не забирать – пусть лежит.

* * *

Места оказались и в самом деле прекрасные – в первом ряду прямо перед стоящей на сцене глинобитной лачужкой, в которой, должно быть, по замыслу режиссера обитал Алад- дин. Остальное пространство сцены было стилизовано под арабский дворик с дувалом и небольшим прудиком прямо перед хижинкой. По зеркальной глади пруда скользили лебе- ди – черный и белый, и над всей этой идиллией под высо-

ченным потолком плыли почти настоящие облака.

Откинувшись на спинку кресла и вытянув перед собой ноги так, что они уперлись в бортик сферической сцены, Вика сноровисто метала в рот попкорн, доставая его двумя пальцами из широкого ведерка, и без особого интереса рассматривала лебедей, ожидая начала представления. Борька напряженно изучал программку, а я листала купленную в фойе книгу. И вдруг одна фотография привлекла мое внимание. Дряхлый старик сидел в инвалидном кресле, а из подписи под снимком следовало, что это Казимир Крестовский в последние годы жизни. Надо же, а я и не знала, что на старости лет иллюзионист передвигался в инвалидной коляске! Интересно, что с ним случилось? Должно быть, покалечился во время выступления, ну да подробности можно узнать из воспоминаний Регины Казимировны. Припомнив старушку-администратора, я загрустила. Честно говоря, мне до сих пор было не по себе от нашего общения. Как бы я хотела рассказать Регине Крестовской, что иллюзариум для меня – кусочек детства, что я люблю его так же, как сад Малютина, в котором играла в войнушку с друзьями из класса. Но теперь, когда у дочери великого артиста сложилось о нас определенное мнение, это было в принципе невозможно. Жаль, что так по-дурацки получилось!

В зале начал гаснуть свет, заиграла негромкая восточная музыка, и из хижины вышла ярко покрашенная женщина в длинных одеждах. В руках у нее была плетеная корзина раз-

мером с мусорный бак. Женщина опустила на корточки рядом с прудом и принялась мыть тарелки, доставая их из корзины. Следом за тарелками настала очередь старого медного кувшина, который матушка Аладдина в соответствии со сказочными канонами стала тереть песком. После пяти секунд напряженной работы небо над сценой почернело, загрохотал гром, сверкнули молнии, и из кувшина пополз белый дым, принимая форму джинна. Испуганная женщина вытряхнула из корзины остатки грязной посуды и забралась в освободившуюся плетеную тару. Между тем дымный джинн рос, мужал и как бы обретал вес и плоть, становясь все больше и выше, пока, наконец, не уперся макушкой в «небо». Запрокинув голову, он дико захохотал, и от его inferнального смеха поднялся страшный ветер, подхвативший корзину и поднявший ее в воздух. Над корзиной как по мановению волшебной палочки появился оранжевый воздушный шар, поднимавшийся все выше и выше. Тем временем непогода на сцене усиливалась. Из почерневшей тучи хлынул дождь, щедро орошая хижину, сложенный из камней дувал, корзину и женщину, выглядывающую из нее. Приспособление напоминало дирижабль, которым, по сути, оно и являлось. Когда «дирижабль» достиг «неба», джинн простер руки и гулко прогрохотал, изрыгая пламя:

– Я раб лампы! Повелевай и приказывай, о моя госпожа!

Вырвавшееся из пасти джинна пламя коснулось шара, он ярко вспыхнул, точно спичка, и огненной птицей рухнул

вниз, увлекая за собой полыхающую корзину. Корзина загорелась так стремительно, что никто не успел понять, что же произошло, и только истошный крик артистки не оставлял сомнений, что случившееся – кошмарная трагедия, а не постановочный трюк. Под испуганные возгласы зрителей горящая корзина рухнула рядом с прудом, напугав лебедей, шарахнувшихся от огненного факела в разные стороны. В следующую секунду на сцену выскочили сотрудники театра с огнетушителями и ведрами, пытаясь потушить зарождающийся пожар. Запахло горелой резиной и чем-то еще крайне неприятным. Едкий дым резал глаза, щипал нос и вызывал надсадный кашель. В рядах началась паника. Толкаясь в проходах, родители торопились вывести из зала детей, мимо нас бегали перепуганные люди, закрывая дыхательные пути носовыми платками, и только Вика продолжала невозмутимо поедать попкорн.

– Вот это круто, – одобрительно прочавкала она, не отрывая замороженного взгляда от сцены. – Даже покруче, чем на концерте «Рамштайна»! Жалко только не показали, как тетка сгорела. Надо им сказать, чтобы в следующий раз корзину делали прозрачной.

Я покосилась на Викторию и подумала, что девочке необходимо познакомиться с моей бабушкой – только Ида Глебовна способна повлиять на это маленькое чудовище. Некогда бабушка работала в спецотделе «Сигма», где специализировалась на изучении девиантного поведения у детей и под-

ростков. К слову сказать, я и сама не подарок, генетика у меня – будь здоров, ибо мама моя в раннем детстве вытолкнула в окно собственного родителя за то, что он не купил ей желанную игрушку, а про папашу вообще разговор отдельный. Мой биологический папочка – законченный аферист не только по профессии, но и по велению души. Николай Николаевич Жакетов попортил немало крови нашей семье, но в настоящее время он обитает за границей, обдывая свои грязные делишки то ли в Израиле, то ли в Штатах⁴. К счастью, жизнь сложилась таким образом, что воспитанием моим занимались не бедовые родители, а бабушка с дедом. Быть может, поэтому я и выросла вполне приличным человеком – во всяком случае, я так о себе думаю. Глядя на Вику, я понимала, что если ей кто-то и сможет помочь, то только моя уникальная бабушка.

* * *

– Ну, все, подъем, – скомандовал Борис, хлопая Викторию по спине, отчего поднесенная ко рту попкорнина выскочила у девочки из рук и шлепнулась на пол. – Уходим отсюда.

– Да ну, лучше подождем, когда все свалят, а то фиг пролезешь, – лениво отмахнулась Вика, запуская руку в картонное ведро и вынимая новую порцию попкорна.

⁴ Подробнее читайте в романе Евы Львовой «Состояние аффекта».

Высыпав горстку в рот, девочка, не отрываясь, смотрела, как артисты, потушив огонь, толпятся перед корзиной с обгоревшим телом коллеги, как мечется по сцене носатый взлохмаченный господин с красивой седой прядью в каштановых волосах и, пачкая сажей отлично сшитый костюм, кричит:

– Что, черти, наделали! Чуть театр не сожгли! Динка погибла! Теперь проверками замучают! Черти!

Приехавшая на место происшествия опергруппа оградила полосатыми лентами сцену, и эксперт принялся собирать улики, внимательно исследуя остатки дирижабля, а оперативники приступили к опросу свидетелей. Вдруг среди фигур полицейских мелькнул бородатый тип, показавшийся мне странно знакомым.

– Слушай, Борь, я не пойму, это Хитрый Лис, или я ошибаюсь?

– Конечно, кто же еще, – усмехнулся кудрявый друг. – Разве Илюху с кем-нибудь спутаешь?

Следователь Лисицын имел простое русское лицо, оживленное пшеничной бородкой и сросшимися в одну линию темными бровями, под которыми сверкали совиные глаза. За склонность к компромиссам с совестью Илья носил прозвище Хитрый Лис, и это ему жутко не нравилось. Лисицын бы предпочел, чтобы его называли Бесстрашный Орел, Беспощадный Лев или что-нибудь в этом роде.

Услышав наш разговор, Вика радостно оживилась.

– Следователь ваш друг? – подскочила она на месте. – А давайте попросимся посмотреть на труп! Он вам не откажет, ведь правда?

Конечно, Илья Лисицын не отказал бы в такой малости, ведь парень проработал в нашем адвокатском бюро несколько лет, прежде чем перейти в УВД на должность следователя. Правда, я застала Хитрого Лиса на излете адвокатской карьеры, зато Устинович-младший знал его довольно хорошо. Кажется, они даже дружили, хотя частенько цапались из-за ерунды. Помню, я присутствовала при одной такой ссоре. Илья тогда как раз собрался уходить из конторы, а Борис его отговаривал. Кира Ивановна накрыла на кухне прощальный стол, за которым и возник горячий спор относительно нашей профессии.

– Да пойми ты, Боря, я по натуре волк, а не отец-заступник, – бил себя в грудь кулаком Лисицын, и от человека с его фамилией слышать подобное заявление было, по меньшей мере, забавно. – Работа адвоката не по мне. Гораздо больше бабла можно срубить, вкалывая следователем. Развалишь там уголовное дело или закроешь пожизненно, кого попросят уважаемые люди, – машину приличную можно сразу купить.

– И невинного с чистой совестью закроешь? – сердился Устинович-младший.

– Да ладно тебе, Борь, видал я таких невинных! Каждый фигурант уверяет, что не делал того, что ему вменяют,

а начнешь под него копать – стопудово замазан!

– Ты, Илюх, прямо такой реальный пацан, живешь по понятиям, – ехидничал Борька, – только наколотого перстня на пальце не хватает!

– Мои понятия – поменьше ишачить, побольше получать, – гнул свою линию Лисицын, забирая бороду в кулак.

Но, в принципе, Хитрый Лис был парень неплохой, и с ним всегда можно было договориться. Глядя, как Илюша расхаживает по сцене, я припомнила его застольный монолог и, честно говоря, сотрудникам иллюзариума не позабывала.

– Незапланированное возгорание летающего механизма. Тут явный косяк со стороны техников, – пробормотал Борис, наблюдая за перемещениями Лисицына. – Илюша это в два счета определит.

И, заглянув в программку, задумчиво добавил:

– И знаешь, Агатка, что характерно? Технический руководитель иллюзариума имеет ту же фамилию, что и погибшая артистка. Оба они Муратовы. Симптоматично, ты не находишь? Даже занятно стало. Забавное дельце вырисовывается. Ну что, пойдем, поздороваемся с Хитрым Лисом?

Само собой, за ограждение нас пускать не хотели, но Борьке все же удалось взмахами рук и приветственными окриками привлечь внимание бывшего сослуживца. Сначала следователь Лисицын, беседовавший с носатым господином, сделал было отсутствующее лицо, изображая непонимание,

мол, кто мы такие и чего от него хотим, но затем все же нас признал и подошел к заградительной ленте.

– Не устаю поражаться расторопности пройдох-адвокатов, – вместо приветствия скривился он, пожимая Борису руку и приветственно кивая мне. – Колитесь, откуда узнали, что потребуются ваши услуги?

– Здравствуй, Илюш, – улыбнулась я. – Не поверишь, мы пришли посмотреть спектакль. А что, наши услуги действительно потребуются?

К нам приблизился обладатель выдающегося носа и, точно ординарец, замер за спиной Лисицына.

– Да как тебе сказать, – отозвался следователь, почесывая бородку. – Кое-кому хороший адвокат не помешает.

– Сами посудите, – начал загибать пальцы «ординарец», делая головой движения, как будто клюет невидимый корм, отчего седая прядь упала ему на лоб. – Технический руководитель иллюзариума Руслан Муратов вчера поскандалил с женой, кричал, что она его достала.

Он клюнул воздух, оттянул узел галстука и, прерывисто вздохнув, с надрывом продолжил:

– И именно сегодня Дина загорелась в дирижабле, в котором до этого летала весь сезон, ведь все возможные неполадки мы предусмотрели заранее!

– С кем имеем честь беседовать? – церемонно осведомился Борис, повернувшись к носатому.

Хитрый Лис собрал лоб складками, припоминая, и, так и

не вспомнив, сделал неопределенный жест рукой.

– Директор иллюзариума. Э-э, забыл фамилию, – пробормотал он.

– Прошу прощения, не представился, очень волнуюсь, – встрепенулся носатый. – Эжен Стамболиди.

– И какие неполадки вы предусмотрели? – заинтересовался кудрявый друг, подаваясь вперед.

– По техусловиям трюка шар специально поливают водой, чтобы во время пламенной речи джинна он, не дай бог, не вспыхнул, – пояснил Стамболиди, хватая Хитрого Лиса за пуговицу. – А шар загорелся, как свечка! Это подстроил Руслан Муратов, точно вам говорю! Его обязанность – заполнять баки водой, а он что туда налил?

– Что же это у вас, любезный, технический директор бочки водой наполняет? Другого персонала, что ли, нет?

Стамболиди погрустнел и ответил скучным голосом:

– Мы на самофинансировании, лишних людей себе позволить не можем.

– Я послал оперов на мансардный этаж обследовать емкость, – делая шаг назад и деликатно освобождая пуговицу из рук Стамболиди, проговорил Лисицын.

– Доступ в мансарду имел только технический директор? – уточнил Джуниор.

– Отнюдь, – не согласился Стамболиди. – Уборщик клеток Александр Ткачик раз в неделю заглядывает туда за подкормкой, Ян Крестовский имеет выход из своего крыла че-

рез мансарду на крышу – он любит покурить на свежем воздухе, сотрудник музея Виктор Мешков держит на мансардном этаже картотеку – в музее у него слишком мало места. У меня тоже есть ключ – для порядка.

– Но наличие ключей у сторонних лиц ничего не меняет, – заволновался Хитрый Лис, чуя подвох со стороны Джуниора. – Знаю я ваши адвокатские штучки! Если в емкостях для воды окажется горючее, Муратову так легко не отвертеться, как в прошлый раз.

– Пустите на труп посмотреть, а? – вылезла вперед Вика, доверчиво глядя на мужчин голубыми глазенками.

– Это чья же, твоя, Борь? – заулыбался Илья, потрепав девочку по рыжим кудряшкам.

– Соседская, – нахмурился Борька, глядя на Вику таким грозным взглядом, что она покорно отошла в сторонку. – А был и прошлый раз?

– Ну да, – взволнованно проговорил Стамболиди, по привычке дергая головой. – Седьмого мая прошлого года погибла дрессировщица Варя Белоконь. Это случилось прямо во время спектакля. Вы себе не представляете, какой это был ужас! На сцену вырвались тигры и ...

– Слушай, Борь, если ты берешься защищать Муратова, я выдам по нему полную информацию, – оборвал директора Лисицын, опасаясь, что, погрузившись в воспоминания, директор теперь не скоро успокоится. – Приходи ко мне в управление, посидим, поговорим, я расскажу тебе все, что

знаю, а сейчас прости, нужно закончить осмотр места происшествия.

– Защищать Муратова буду я, а не Боря, – неожиданно для всех, и даже для самой себя, выпалила я. И, демонстративно не замечая гневных гримас приятеля, торопливо продолжала: – У Бориса Эдуардовича в производстве уже имеется серьезное дело, а я сижу без работы. Так что знакомьте меня, господин следователь, с подозреваемым – будем договариваться о защите.

– Да вот он стоит рядом с трупом, – неприязненно кивнул на высокого брюнета в белом костюме Лисицын. – Делает вид, что не может поверить в случившееся. Артист! Я съем свою фуражку, если его не закрою!

– А доказательства?

– Да у него на лбу написано, что он подонок, – рассердился Хитрый Лис.

– В УК РФ нет статьи «подонок», так что ищи рецепты приготовления фуражек, – посоветовала я, глядя на красиво-порочное лицо Руслана, на котором, кроме искреннего недоумения по поводу происшедшего, не отражалось ровным счетом ничего. Ни боли от утраты любимого человека, ни раскаяния за содеянное, ни страха перед разоблачением – ну совсем ничего. – Чутье мне подсказывает, что Муратов не виновен.

– Не кажи гоп, – глубокомысленно изрек Лисицын. – Очень он подозрительный, этот Руслан Гасанович. Давно

мне не нравится. Эдакая гремучая смесь итальянского мафиози с непромытым водителем маршрутки. Хочет быть похожим на героя гангстерских фильмов, да рожей не вышел. К чему эти тонкие усики и набриолиненный чуб?

Хитрый Лис говорил неправду – Муратов был и вправду хорош и здорово походил на молодого Марлона Брандо.

– Ты как, Илюш, собираешься сейчас предъявлять обвинение Муратову или до завтра подождешь? – перешла я непосредственно к делу, с трудом отводя глаза от смуглого лица своего возможного клиента.

Следователь поскреб затылок и задумчиво протянул:

– Прямо даже не знаю, мать!

– А давай сделаем так, – решительно предложил Борис. – Мы прямо сейчас переговорим с этим парнем, а завтра все вместе приедем в управление. А до завтра ты придумаешь, что с ним делать.

– Ну, Борька, черт речистый, ты и мертвого уговоришь, – рассмеялся Лисицын, хлопая приятеля по плечу.

– Пожалуйста, ну что вам стоит, пустите посмотреть на труп! – умоляюще заныла Вика, чувствуя, что все собираются расходиться.

– А ну-ка, кыш отсюда! – прикрикнул на нее следователь. – Здесь место преступления, а не детский сад!

– Виктория, очень тебя прошу, подожди нас на улице, – строго попросил Устинович-младший.

– Всегда так! Как труп смотреть – так без меня, – обижен-

но проскулила девочка, направляясь в сторону поредевшей толпы, покидающей зрительный зал.

– У вас все? Я могу идти? – осторожно поинтересовался директор, откидывая со лба волнистую прядь. – А то столько дел, что голова идет кругом.

– Да-да, конечно, я вас больше не задерживаю, – небрежно отмахнулся Хитрый Лис. – А вы, господа адвокаты, не стойте, шевелите копытами, если хотите познакомиться с Русланом Муратовым.

* * *

Лисицын подождал, пока мы с Устиновичем-младшим переберемся через красно-белую заградительную ленту, после чего уверенной поступью центуриона направился напрямиком к подозреваемому. Весь вид следователя выражал твердое намерение сорвать с притворщика маску. Я же не была на сто процентов уверена в лицедействе технического руководителя проекта. По некоторым внешним признакам я могу с большой долей уверенности сказать, что человек разыгрывает передо мной комедию, в случае же с Муратовым у меня такой уверенности не возникало. Не чуя подвоха, Руслан все еще недоумевал у тела погибшей супруги, когда Лисицын тронул новоиспеченного вдовца за локоть и бесцеремонно проговорил:

– Хм, уважаемый, хочу порекомендовать вам хорошего

адвоката. Вот, познакомьтесь, Агата Львовна Рудь, она берется за вашу защиту, хотя дело, на мой взгляд, безнадежное.

Руслан дернул щекой и быстро взглянул сначала на меня, затем на следователя и с чуть заметным раздражением спросил:

– Вы так уверены, что мне необходим адвокат?

– Думаю, это в ваших же интересах, – поджал губы Хитрый Лис.

И тут же без перехода заорал, исполняя две роли одновременно – хорошего полицейского и полицейского злого:

– Я, мать твою, собираюсь доказать, что женщина сторела по твоей вине!

В этот момент он, несомненно, был плохим полицейским.

– Вы это серьезно? – иронично вскинул бровь смуглый красавчик, и усы его поползли вверх в издевательской ухмылке.

– Сам увидишь! – продолжал бушевать Илюша, брызгая слюной. – В общем, Руслан Гасанович, говори: будешь прибегать к услугам Агаты Львовны или у тебя имеется свой адвокат?

– Дорого берете? – вдруг деловито поинтересовался парень, поворачиваясь ко мне.

– Не дороже денег, – желчно откликнулся Борис, всегда недолюбливавший эффектных мужчин.

– Господин Муратов, уверяю вас, что расходы на адвоката в конечном итоге составят значительно меньшую сумму, чем

затраты на передачи в тюрьму, – с наигранным сожалением в голосе произнес Лисицын, принимая облик хорошего полицейского.

– Да я не против, – пожал плечом подозреваемый. – Ничего не вижу дурного в том, чтобы иметь своего адвоката. Тем более деньги для меня – не проблема.

– И где же ты деньжонками разжился? – насторожился Лисицын. – Стамболиди вас вроде не балует премиальными.

– Ваш вопрос оскорбителен, – окатил следователя ледяным презрением Муратов. – Я всегда хорошо зарабатывал. Поднимите зарплатные ведомости, если не верите.

Видя, что давление на потенциального клиента возымело нужное действие, Борис подмигнул Лисицыну и направился в сторону выхода из зала.

– Пойду посмотрю, где там Виктория, от этой девчонки можно ожидать всего, чего угодно, – бросил он через плечо. – Агата Львовна, мы ждем вас на улице.

– Если не возражаете, я бы хотела с вами побеседовать, – обратилась я к клиенту, но звонок смартфона прервал мою речь. Вынув аппарат и увидев на экране милую рожицу Мити, я нажала на клавишу приема и тихо зашептала в трубу:

– Мить, я очень занята, перезвони попозже.

– Где ты сейчас? – тоскливо затынул любимый.

– Я на работе...

– Это я на твоей работе, а тебя, Агата, здесь нет! В конторе сказали, что ты уехала обедать с Борисом. Это правда? Зачем

ты оставила свою машину у офиса? Для отвода глаз? Чтобы казалось, что ты работаешь, а не развлекаешься с этим рыжим кабаном?

– Прости, Мить, я очень занята, после поговорим, – прошептала я в трубку и нажала отбой, ни на секунду не переставая чувствовать на себе ироничный взгляд Джуниора, притормозившего у выхода со сцены, чтобы насладиться моим унижением.

– Илья Васильевич, мы вам нужны? – осведомилась я, демонстративно не замечая ухмылки кудрявого друга. Борька громко хмыкнул и вышел из зала.

– Да нет, не нужны, Агата Львовна, – церемонно откликнулся Лисицын, включаясь в игру. – Жду вас завтра вместе с господином Муратовым к одиннадцати у себя в кабинете.

Я склонила голову в легком полупоклоне и, обращаясь к доверителю, осведомилась:

– Руслан Гасанович, где мы могли бы поговорить?

– Может, в ресторан пойдем? – развязно предложил клиент, засовывая руки в карманы льняных брюк и покачиваясь на мысках.

– Там слишком людно, – взбрыкнула я, мечтая осмотреть его технические владения. – У вас есть свой кабинет?

– Мастерская, – откликнулся он, нетерпеливо поглядывая в сторону дверей.

– Вот и отлично, мастерская вполне подойдет, – обрадовалась я и, перехватив его взгляд, добавила: – Что же мы сто-

им? Показывайте дорогу.

Руслан Муратов развернулся на каблуках и, не вынимая рук из карманов, вразвалку направился в сторону выхода. Он шел с таким видом, словно был первым парнем у себя в далеком южном городе, и мне казалось, что я слышу, как осколки девичьих сердец хрустят у него под ногами.

* * *

Кабинет технического руководителя проекта располагался на втором этаже иллюзариума и являл собой хрестоматийный пример мастерской умельца на все руки. Там было все: и гигантские стальные тиски, в которые можно при желании зажать торс терминатора, и небольшая печь, должно быть, выплавляющая сталь.

– Забавно у вас тут, – рассматривая гидравлический пресс, скромно притулившийся в углу просторного зала, забитого всякой всячиной, протянула я.

– Представляете себе, как действует иллюзариум? – потирая руки, поинтересовался подзащитный, направляясь в дальний угол помещения.

Усевшись на стул возле токарного станка, Руслан упер локти в колени и так сидел, внимательно изучая мое лицо. В этот момент он был похож на модель с рекламного плаката дорогого парфюма.

– Честно говоря, не представляю, – пожалала я плечами, не

очень понимая, что парень с такой яркой внешностью делает в этой мастерской.

– А я вам расскажу. Да вы не стойте, присаживайтесь. Идите сюда, Агата Львовна, здесь есть еще один стул.

Устремившись на зов, я с размаху пребольно стукнулась ногой о громоздкий сейф, стоящий на проходе. Отлитый из старинного чугуна, он глыбой возвышался рядом с дверью, такой же непрístupный, как Форд Нокс.

– Черт, как больно! – взвыла я, хватаясь за ушибленное место.

– Не ругайте заслуженного старца, – усмехнулся клиент. – Этот сейф сохранился еще со времен Казимира Крестовского. Таких надежных сейфов теперь не делают. Мешков со Стамболиди из-за него чуть не подрались.

– Да что вы говорите? – заинтересовалась я.

– Сначала сейф стоял в музее у Мешкова, но Стамболиди положил на него глаз и велел перетащить в свой кабинет. А хитрый Мешков быстренько захлопнул дверцу и никому не говорит шифр. Директор мне задал задачу – открыть сейф, не сломав замок.

Я тронула пальцем механический замок с циферблатом, шифр на котором набирался путем поворота восьми дисков.

– Скорее всего, это какая-то дата, – уверенно заявила я.

– Об этом я тоже догадался, – хмыкнул клиент. – Не подскажите, какая именно?

– Попробуйте набрать день рождения Мешкова, – пред-

положила я самый простой вариант.

– Уже набирал – не помогает.

– А Казимира Крестовского?

– Не-а, не работает.

– Тогда не знаю, – сокрушенно вздохнула я, присаживаясь напротив собеседника.

Муратов провел пятерней по черным волосам, зачесывая их назад. На смуглом лице его мелькнуло некоторое подобие улыбки, тут же сменившееся полным безразличием к моей персоне.

– Итак, вернемся к иллюзариуму, – деловито сообщил он, перебирая шурупы, рассыпанные по станку. – Большая часть инвентаря закупается за границей, но многие приспособления для спецэффектов достались нам от прежнего владельца. Казимир Крестовский был гениальным изобретателем всяких технических примочек для создания иллюзий. Мы доводим их до ума – и в путь.

– А сами вы ничего не придумываете? – разглядывая инструменты, поинтересовалась я.

– Скажете тоже – сами! – усмехнулся Руслан. – Если очень приспичит, чертежи и описания мы берем в музейном архиве и находим в них все, что нам нужно.

– А декорации? Они у вас такие замечательные, я очень хочу познакомиться с художником.

– У нас нет художника. Декорации мы заказываем в театральных мастерских – Стамболиди считает, что так дешевле.

– Скажите, Руслан, трюк с дирижаблем технически сложен? Может, там были какие-то подводные камни, которые сегодня дали о себе знать?

– Не говорите ерунды, – отмахнулся клиент. – Для противопожарной безопасности в сценарий специально ввели дождь. Я сам своими руками вчера кинул в канистру шланг и залил для этого самого дождя водопроводную воду. И вдруг сегодня шар вспыхнул, как петарда. Ни за что бы не поверил, если бы не видел своими глазами.

– А если в канистру вместо воды поместить горючую жидкость?

– Какую, например? – заинтересовался доверитель, всем телом подаваясь вперед и пожирая меня глазами в ожидании ответа.

– Откуда я знаю, – отшатнулась я, почувствовав себя не в своей тарелке.

Муратова я вижу в первый раз в жизни, а вдруг я ошибаюсь, и этот красавец и в самом деле приложил руку к смертельному фейерверку на сцене?

– Мне как-то не приходило это в голову, но мысль интересная, – с расстановкой протянул он.

Глаза Муратова возбужденно сверкали, по смуглому лицу блуждала странная улыбка, и было видно, что высказанная мною идея захватила его целиком и полностью, и это окончательно сбilo меня с толку.

– Руслан, успокойтесь. Вы меня пугаете. Со стороны мо-

жет показаться, что вы жалеете о том, что раньше не придумали такого оригинального хода.

– Да уж, конечно! – невесело усмехнулся вдовец. – Целый год прожил с Диной под одной крышей, а потом решил ее убить. Не смешите меня! Я мог бы это сделать гораздо раньше и с меньшей помпой – комар носа бы не подточил. Уж поверьте, у меня для этого имеются прекрасные возможности.

Он описал рукой эффектный полукруг, указывая на станки и инструменты.

– Насчет горючей жидкости можете уточнить у директора – это его идея. Да и следователь Лисицын к ней склоняется, – шокированная внезапной вспышкой откровения, выдавила из себя я.

Доверитель передернулся и категорично заявил:

– Не буду я ничего спрашивать у Лисицына. Какой-то он циничный. По виду – редкий гад!

– Илья Васильевич толковый юрист, – не согласилась я, про себя удивившись, как единодушны эти два человека в отношении друг друга.

– Не буду спорить, но, судя по всему, на этот раз посадить меня Илья Васильевич решил всерьез и надолго. В прошлом году не получилось, значит, отыграется по полной программе в этот раз.

– Давайте по порядку, – потребовала я, доставая из сумки блокнот и ручку. – Начните с самого начала и расскажите, что случилось в прошлом году.

Стулья, на которых мы сидели, были не самыми удобными, поэтому подзащитный поерзал на сиденье и раздраженно произнес:

– Тихий ужас случился – вот что. В прошлом сезоне мы ставили шоу «Маугли», и во время майского выступления погибла дрессировщица обезьян Варя Белоконь, а мальчик из зала остался инвалидом.

– А вы здесь при чем? – удивилась я.

– Ну как же, – хмыкнул клиент, – это же я недосмотрел за замками на клетках. Обиженный на дрессировщицу гиббон по кличке Тайсон выбрался на волю и стащил из кармана уборщика ключи. Затем Тайсон отпер этими ключами остальные клетки и выпустил на сцену тигров.

– Да что вы говорите! – не поверила я. – Неужели гиббоны настолько сообразительны?

– А вы как думали? Это такие хитрые бестии, что только держись. В иллюзариуме одна Варвара могла с ними ладить, да и она, как видите, не справилась.

– Как зовут уборщика? – допытывалась я, тщательно записывая полученные сведения.

– Сашка Ткачик, но он здесь ни при чем, он парень честный, хотя и пьянь.

– Ткачик пьет?

– Не так, чтобы очень, но бывает. Если предлагают – никогда не отказывается. Хотя, чего уж там скрывать, Ткачик чаще бывает поддатый, чем трезвый!

– Почему же его до сих пор не уволят?

– Кто же уволит друга детства директора? – удивился клиент. – С Сашкой потому и нянчатся, что Стамболиди на его попойки закрывает глаза. Стамболиди вообще под себя всех подмял – эдакий хозяин-барин. Он и меня хотел прижать к ногтю, но руки у него короткие.

Понимая, что мы уходим в сторону от основной темы, я строго посмотрела на подзащитного и проговорила:

– Про Стамболиди поговорим в другой раз. А пока вернемся к вашей супруге. Свидетели утверждают, что вы вчера поругались. Из-за чего, не вспомните?

– Агата Львовна, хотите кофе? У меня растворимый, но в ресторане за углом варят неплохой капучино. Пойдемте в ресторан? Посидим, поговорим, все обсудим в приятной обстановке.

– Да нет, спасибо, у меня не так много времени. Меня коллега ждет.

– Ну да, конечно, – дернул щекой Муратов. – Я и забыл.

– Итак, Руслан Гасанович, из-за чего вы ругались с женой? – вернула я беседу в интересующее меня русло.

– Да все наши ссоры были из-за денег, – неохотно признался клиент.

– У вас что, были принципиальные разногласия по поводу семейных финансов?

– Какие там разногласия, – с досадой отозвался он. – Вчера была зарплата, и Динка потребовала, чтобы я отдал ей все,

до последней копейки. Ей все время нужны были деньги, но это же не повод, чтобы выгребать все из моих карманов! Я так ей и сказал, а Дина раскричалась, что я эгоист и все в таком роде. А я ответил, что никто ее не держит, и если что-то не нравится – скатертью дорога. На шум, естественно, сбегались любопытные, и я оказался в глазах общественности тираном и извергом. И вдруг она внезапно погибает...

– Простите за нескромный вопрос – вы любили жену?

Подзащитный смутился и покраснел, а рука его потянулась к лицу. Так ведут себя люди, которые не знают, что ответить на прямо поставленный вопрос. Потерев чисто выбритый подбородок, Руслан неуверенно проговорил:

– Само собой любил, а как же иначе? На нелюбимых не женятся.

– По-разному бывает, – не согласилась я, однако занесла в блокнот и этот ответ и перешла к вопросам иного рода.

– Руслан Гасанович, у Дины были враги? Часто ли ваша жена ссорилась с коллегами? Может, ей кто-то угрожал?

– Да кто ей мог угрожать? – пожал плечами Муратов. И ехидно добавил: – Не считая меня, конечно. Дина была девушка контактная, со всеми дружила, все ее любили, у нее телефон разрывался от звонков. Да вы возьмите ее мобильник и просмотрите журнал вызовов, убедитесь сами.

– Мобильник забрал следователь, но я обязательно в него загляну, – обнадежила я доверителя. – Директор Стамболиди сказал, что ключи от мансарды помимо вас, Руслан, есть

еще у трех человек. Не могли бы вы припомнить, кто из них заходил вчера после вас в мансарду?

– А я-то откуда знаю? – удивился клиент.

– Во сколько вы были на мансардном этаже? Назовите точное время...

Не успела я закончить начатую фразу, как дверь мастерской с шумом распахнулась, и на пороге появился длинный сутулый субъект в синем комбинезоне. Голова его была перебинтована, по изъеденному оспинами лицу блуждала заговорщицкая улыбка, а в руках пламенели две вялые гвоздички. Окинув мутным взором мастерскую, гость по-хозяйски прошел в наш угол и, положив на верстак цветы, фамильярно проговорил:

– Салют, Русланыч, надо бы Динку помянуть. Ты как?

– Здорово, Ткачик, – вздрогнул доверитель. – Может, это лишнее? Ты и так уже хорош.

«Обладатель одного из ключей от мансарды», – промелькнуло у меня в голове, пока я наблюдала за перемещениями уборщика по мастерской.

– Да ладно, хорош, – отмахнулся Александр. – С интеллигенцией пивка попил. Музейный жук Мешков меня прогнал, они, видишь ли, водку не будут, даже за помин Динкиной души. Но ты-то, Русланыч, со мной выпьешь? И барыш-не нальем. Как нас зовут? – нахально осведомился сутулый, и его рыжие глазки пытливо ощупали мое лицо.

– Агата Львовна Рудь, адвокат господина Муратова, – с

подчеркнутой официальнойностью откликнулась я.

– Адвока-ат? – с недоумением протянул собеседник и, обернувшись к Муратову, хихикнул: – Русланыч, а на черта тебе адвокат?

Клиент, насупившись, молчал, и гость, зажав рот руками, дурашливо зачастил:

– Молчу-молчу, это не мое дело. Позвольте представиться – Александр Ткачик. Менеджер по клинингу, то есть уборщик клеток. Я вот тут фотку Динкину прихватил, у меня в подсобке валялась. Ща поставим рядом с цветочками... А ты, Русланыч, не стой, доставай бутылку, я помню, у тебя с прошлого раза больше половины оставалось.

– Ты иди, Саш, я сейчас освобожусь, тогда выпьем, – глухо проговорил клиент.

– Ты что же, меня гонишь? – обиделся гость.

– Да нет, ну что ты, как я могу...

– А то смотри у меня, – насупился Ткачик и погрозил пальцем.

Муратов неохотно полез за батарею, а друг директора запустил руку под комбинезон и принялся сосредоточенно шарить в грудном кармане рубашки. Обнаружив искомое, он с многозначительным видом вытащил на свет сильно измятую фотографию. Разгладив ее ладонями, установил над гвоздичками снимок широколицей женщины с раскосыми глазами и коротко стриженными волосами, делающими и без того круглое лицо еще круглее. На снимке Дина выглядела на-

много старше своего мужа, и это, признаться, меня сильно удивило.

– Вот она, наша красавица, – тепло проговорил уборщик. И, обернувшись к Муратову, с надеждой произнес: – Ну что, нашел?

– Действительно, осталось больше половины бутылки, – уныло ответил клиент, вертя в руках посудину с водкой.

– Вот и отлично! – оживился гость. – Мадемуазель, не ломайтесь, присаживайтесь к верстаку, я мухой слетаю за снедью.

– Мне пора идти, – категорично отрезала я.

– И что же, не помянете с нами Дину? – прищурился гость.

– Простите, меня ждут, – поднялась я со стула.

– Вот и музейная крыса Мешков со мной пить побрезговал, – презрительно скривился Ткачик.

– Руслан Гасанович, завтра без десяти одиннадцать встречаемся перед УВД, – не обращая внимания на гримасы гостя, сообщила я, смотря исключительно на клиента. – Постарайтесь не проспать, следователь Лисицын этого не любит.

– Давайте я вас провожу, – засуетился Руслан, чуть не опрокинув бутылку.

– Спасибо, это лишнее. Я сама найду дорогу.

* * *

Прикрыв за собой дверь мастерской, я с облегчением

вздохнула и огляделась по сторонам. В коридоре толпились люди, горячо обсуждая дневное происшествие. В основном это были молодые парни, хотя встречались и девушки. Проходя мимо возбужденных группок, стоящих у просторного конференц-зала, я краем уха слышала обрывки фраз:

– Какой ужас! Сгорела прямо во время выступления!

– Жалко-то как!

– Кто же теперь будет вести историю иллюзионного искусства?

– Мешков, кто же еще!

– Только не этот зануда! Я так радовалась, когда Мешкова заменили Диной, теперь опять слушать его байки!

Миновав взволнованную молодежь, я спустилась по лестнице и нос к носу столкнулась с директором иллюзариума. Эжен Саввич торопливо бежал от входной двери в сторону зрительного зала, и я загородила ему дорогу.

– Господин Стамболиди, уделите мне пять минут?

– Не сейчас, дорогуша, не сейчас! – клюнул он носом воздух. – Столько дел, не знаю, за что хвататься. Если можно, загляните ко мне завтра, я обязательно отвечу на все ваши вопросы.

И Стамболиди устремился дальше, пробежав мимо полной уборщицы в синем халате. Рядом с уборщицей стояла Регина Казимировна и наблюдала, как та старательно моет мраморный пол. Черные следы тянулись по всему холлу – это натоптали эмчээсовцы и следственная бригада, изучавшая

место трагедии. А торопливо поднимающиеся по лестнице на второй этаж девчонки и ребята разносили грязь дальше по зданию.

– Эжен Саввич! – махнув рукой, позвала Крестовская. – Можно вас на минуту?

Директор иллюзариума остановился и с недовольным видом ждал, когда администратор подойдет к нему поближе.

– Ну, что на этот раз, беспокойная вы наша? – раздраженно спросил он, как только Регина Казимировна приблизилась к нему настолько, чтобы можно было беседовать, не повышая голоса.

– Еще раз прошу вас открыть боковой ход, – сердито проговорила она. – Учащиеся идут на занятия по главной лестнице, а Лиля после представления моет холл, и его снова за-таптывают.

– Я спрашивал у Лили, она отказалась от увеличения участка. Вы беретесь мыть боковую лестницу сами? – надменно осведомился Стамболиди. – Имейте в виду, что доплачивать за уборку я не стану – вы, дорогая Регина Казимировна, и так получаете две ставки.

– Но я же и работаю на две ставки! – возразила старушка. – Я и администратор, и продавец программ.

– Вы книжек своих реализовываете больше, чем наших программ, так что это еще с какой стороны посмотреть, на кого вы работаете. Я вот думаю, может, брать с вас плату за аренду торгового места?

– Эжен Саввич! – срывающимся голосом выдохнула Крестовская. – Как вам не стыдно!

– Это мне должно быть стыдно? – удивился Стамболиди. – Вы деньги лопатой гребете, а иллюзариум из-за вас недополучает внушительные суммы. Когда я вытаскивал вас из Новосибирска в Москву, я положил вам приличный оклад, я издал за свой счет вашу книгу, иллюзариум подарил вам на юбилей автомобиль, а вам все мало.

– Вы не учли, что нам нужно где-то жить! Мы с Яном снимаем квартиру, а это дорогое удовольствие.

– Знаю, знаю, только ваш сын чаще ночует в своем офисе, чем в снимаемой квартире. Могли бы зря не тратиться и ограничиться комнатой в коммуналке.

– Ян взрослый мужчина, ему нужна не только материнская забота, но и женская компания, – покраснела администратор.

– Вы во всем потакаете сыночку, – отмахнулся Стамболиди. – Ваш Ян машину новую купил, а вы все плачетесь, что денег нет. Передайте ему, что в сентябре срок аренды помещения подходит к концу, и я выставляю флигель на аукцион. Надоело получать крохи с такого лакомого куса, как отдельное здание.

– Ну что же, это ваше право, – взяв себя в руки, сдержанно проговорила Крестовская и, вернувшись на прежнее место, принялась заматывать мусор на совок, чтобы помочь уборщице с уборкой пола.

Понимая, что сейчас не самое лучшее время для общения с этой легендарной женщиной, я прошла мимо Регины Казимировны и, размышляя по поводу услышанного разговора, вышла на улицу. Интересно, что за учащиеся ходят на загадочные занятия? Может, Борис уже навел справки? Джуниора я нашла в летнем кафе под полосатым зонтиком. Вокруг кудрявого друга стояла батарея пустых бутылок из-под пива, а сам он мирно дремал, подперев кулаком упругую щеку. Локоть его покоился на мятой газете, на которой Устинович-младший разложил колечки сушеного кальмара.

– Боря, ты не лопнешь? – осведомилась я, опускаясь на стул напротив кудрявого друга и красноречиво оглядывая бутылки.

Приятель потянулся и, улыбнувшись улыбкой Чеширского кота, пробормотал:

– Я же не один пиво пил, а с музейным жуком Мешковым, как его называют аборигены. Интересный, доложу тебе, субъект! Рассказал про директора иллюзариума. Оказывается, Стамболиди не только директор, но и организатор всего этого балагана. Между прочим, раньше Эжен Саввич работал в московском цирке администратором, а потом решил замутировать собственный бизнес. Прозондировал почву в Министерстве культуры, наплел им с три короба про возрождение былых традиций, дал кому надо на лапу, и вот, пожалуйста, музей из этих хором поперли, освободив место возрожденному иллюзариуму. Под музейные экспонаты остави-

ли лишь часть первого этажа, а остальное здание передали в безраздельное пользование местному царьку Стамболиди. Как видишь, не зря я пил пиво с обиженным работником музея. Ценой здоровья я добывал для тебя бесценную информацию.

– И где же твой приятель? Я бы тоже хотела поболтать с Мешковым.

– Мешков нашел в лице нашей Вики благодарную слушательницу, – почесал переносицу Борис. – И теперь водит ее по музею и рассказывает цирковые легенды.

– Пойду, что ли, и я послушаю, – поднялась я с места и двинулась к музею.

Потянув на себя тяжелую дверь, я вошла в прохладный полумрак музейного зала и услышала надтреснутый мужской голос, долетающий из дальнего конца помещения:

– ...Но, к ужасу антрепренера, спектакли сферического театра не пользовались успехом у зрителей, и Малютин решил сдать помещение в аренду. Снял его на сезон директор бродячего цирка Поль Крестовский. Это был крепкий решительный мужчина, твердо верящий в свою счастливую звезду. За первую неделю гастролей труппа не выручила ни гроша, и Крестовский начал трясти свою юную жену, француженку Мадлен, требуя ответа, как помочь горю. Мадлен гадала на картах, имела говорящего попугая и знала будущее наперед.

– А как он ее тряс? Бил и пытал, да? – перебил рассказ-

чика взволнованный голосок Виктории.

Шагнув вперед, я увидела сухонького старичка с одухотворенным лицом и длинными седыми волосами, обрамляющими блестящую лысину, как газон клумбу. Румяные щеки, как два наливных яблочка, жизнеутверждающе пламенили на изрезанном морщинами лице. Общее артистическое впечатление дополняли белая рубаша, атласный жилет цвета бордо и черные брючки со штрипками. В руках рассказчик держал указку, которой водил по застекленному стенду, на котором виднелись черно-белые дореволюционные фотокарточки. Рядом с музейным работником стояла Вика и, раскрыв рот, внимала Мешкову.

– Не думаю, чтобы бил, хотя все может быть, – передернулся рассказчик, быстро стрельнув черными глазками на любознательную крошку. – Так вот, прорицательница раскинула карты и, сделав несколько таинственных пассов руками, объявила, что беды отступят, как только Крестовский выгонит прочь своего старшего сына от первого брака. Мать ребенка – румынская воздушная гимнастка – сгинула где-то на просторах России, и семилетнего сына растил отец, воспитывая в нем акробата. Мальчик делал успехи в цирковом искусстве, порхал под куполом цирка, как птица, и новая жена Крестовского не без основания опасалась, что цирковой бизнес мужа со временем перейдет не ее новорожденному сыну Казимиру, а этому одаренному выскочке. Выслушав совет карт, Поль Крестовский ночь не спал, обдумывая слова су-

пруги, а утром указал старшему сыну на дверь. В тот день была Пасха, и мальчик попросил об одной маленькой милости – встретить праздник вместе с семьей. Как Мадлен ни уговаривала Крестовского выгнать мальчишку из дома немедленно, он все же пошел навстречу ребенку. Не думаю, чтобы отец очень уж жалел старшего сына, просто на вечер было назначено праздничное представление, маленький артист играл в нем не последнюю роль, и предприимчивый владелец труппы опасался, что разгневанные зрители, которые пришли на «гуттаперчевого мальчика», вернут билеты обратно. И вот настал вечер. Публики в этот раз собралось больше, чем когда бы то ни было. Поднявшись под купол цирка, мальчик раскинул руки и, быстро перекрестившись, камнем рухнул на манеж.

– Он сразу умер? – обмирая от восторга, прошептала Вика. – А что он себе сломал?

– Все сломал, – уверенно сообщил Мешков. – Но не в этом дело. Умирая, гуттаперчевый мальчик выкрикивал горькие упреки в адрес отца, проклиная его, Мадлен и их сына Казимира. Сразу же после похорон Крестовский заказал картину, на которой юный гимнаст балансирует на канате за секунду до своего падения, и выставил ее в иллюзариуме. Мы и сейчас можем видеть в фойе это полотно. Однако карты ввели Мадлен в заблуждение – перепуганная трагедией публика окончательно перестала ходить в сферический театр. Вскоре в России случился военный переворот, именуемый в

учебниках истории революцией, и все, кто смог уехать, бежали из этой страны. Уехал и Польш Крестовский, однако проклятие гуттаперчевого мальчика настигло его и за пределами родины – Крестовский сломал позвоночник и закончил свои дни в инвалидной коляске. Впрочем, так же, как и его сын, Казимир Крестовский, известный как основатель иллюзарима, в котором ты, дитя, сейчас находишься. Как видишь, проклятие погибшего в Пасху ребенка наложило печальный след как на историю этого здания, так и на всю артистическую семью Крестовских.

– Все Крестовские тоже падали и ломали себе шеи? – одними губами прошептала Вика.

– А что еще может случиться с потомственными циркачами? – пожал плечами Мешков. – Хотя, конечно, Регина Казимировна не любит вспоминать эту историю, но я-то знаю, о чем говорю, я лично читал воспоминания Казимира Крестовского. И хочу тебе сказать, детка, что предсмертное проклятие самоубийцы – это страшная штука.

Я вышла из музея и вернулась к Борису.

– Ну как, страшилки рассказывает? – без особого интереса спросил кудрявый друг.

– Рассказывает, – усмехнулась я. – Про проклятие семьи Крестовских.

И, сделав страшные глаза, добавила:

– А знаешь, Боречка, что самой страшной приметой считается, если черный кот разобьет зеркало пустым ведром?

– Попытка пошутить не засчитана, – добродушно усмехнулся приятель. – Я же не Мешков. Это он, как узнал, что Вике интересно слушать бредовые небылицы, схватил ее в охапку и умчался так стремительно, что даже газету свою оставил, которой до этого хвастался.

– Что за газета? – заинтересовалась я.

– Да статейка там про его музей тиснута, – пренебрежительно сообщил Борька, отправляя в рот кальмаровое кольцо.

– Дай посмотреть! – протянула я руку в направлении потрепанной газеты.

Устинович-младший сдвинул локтем пивные бутылки, выудил из-под остатков кальмара покрытый пятнами газетный лист и протянул его мне.

– Читай на второй полосе, статья называется «Дом иллюзий», автор некий Геннадий Ремизов.

Не успела я развернуть печатное издание, как за спиной прозвучал знакомый надтреснутый голос:

– Позвольте газетку забрать.

Обернувшись, я увидела Мешкова. Алые щечки его разгорелись еще ярче, маленькие глазки смотрели на меня с заметным интересом.

– Простите меня, старика, за излишнее любопытство, позвольте узнать, что вы думаете по этому поводу? – протягивая руку, осведомился он.

Я уже пробежала глазами статью и, возвращая газету,

вскользь обронила:

– Интересная заметка, хорошо про иллюзариум рассказывает.

– Где же хорошо! Вы не понимаете сути! – вдруг рассердился Мешков. – Когда я звонил в «Мир культуры», я вообще не ставил целью рассказать об иллюзариуме, у меня была другая задача – я хотел, чтобы нам вернули здание! – язвительно проговорил он. – Музей попал в подчинение иллюзариума, и Стамболиди не только запихнул все наши экспонаты в одно помещение, но и сократил штат сотрудников, оставив одного меня! Вот об этом я и планировал оповестить общественность. Я договорился, что из редакции пришлют человека, который опишет все эти безобразия. А журналист Ремезов все сделал наоборот: сначала побеседовал со мной, затем отправился поболтать с Варей Белоконь. А уж дрессировщица обезьян ему рассказала, как замечательно им живется в иллюзариуме и как хорошо, что музей переселили на меньшую площадь! Таким образом, получилась хвалебная статья про детище Стамболиди, и ругательная – о музее. Но и Варваре досталось: в тот же день она поплатилась жизнью – гуттаперчевый мальчик не прощает коварства.

– Вы это серьезно? – улыбнулась я.

– Вполне, – нахмурился старик. – Можете считать меня безумцем, но призрак мальчика так же реален, как мы с вами. Я видел его собственными глазами!

– Так, значит, трагедия с дрессировщицей обезьян про-

изошла прямо в день интервью? – уточнила я, выдержав долгую паузу, ибо не знала, как реагировать на подобное заявление.

– Именно, – тонко улыбнулся Мешков. – Теперь вот Дина Муратова поплатилась жизнью.

– А Дина за что? – поинтересовался Джуниор, самым очевидным образом считавший болтовню нового знакомого плодом большой фантазии.

– Дина подсидела меня на должности преподавателя истории циркового искусства, – пожаловался Мешков. – И – вуаля! Она погибла! Говорю же вам, гуттаперчевый мальчик не прощает подлости!

При упоминании такой дисциплины, как история циркового искусства, я припомнила слова Регины Казимировны о миграции загадочных учеников через холл и торопливо заговорила:

– Постойте, я видела в коридоре второго этажа толпу молодых людей. Это студенты какого-то вуза?

– Вы ничего не слышали про «Магический лицей»? – вопросом на вопрос ответил Мешков.

– Да вроде нет, – пожалала я плечами.

– А между тем предприимчивый Стамболиди придумал еще один источник дохода – обучать юных прохвостов ловкости рук, – многозначительно заметил сотрудник музея. – Можете полюбопытствовать, если интересно. Расположен лицей на втором этаже нашего здания.

– Ну да, я видела учащихся. Они ужасно сокрушались, что Дина умерла.

– Еще бы они не сокрушились, – усмехнулся Мешков. – Я заставляю их учить цирковые традиции, а Дина только рассказывала про всякие там цирки «Дю солей». Все хотят стать братьями Сафроновыми или, на худой конец, профессиональными карточными шулерами. Да что я вам рассказываю, сами понимаете, чему могут научить так называемые профессионалы типа Муратова!

– Руслан Гасанович там тоже преподает?

– Муратов – тот еще преподаватель! Его предмет – практика карточных фокусов, надеюсь, вы понимаете, что это такое.

Мешков бросил беглый взгляд на старинные часы, красующиеся на его запястье, и торопливо добавил:

– Да, кстати, сейчас я буду закрывать музей, а ваша девочка прыгает на батуте. Батут все-таки тридцатого года выпуска, может не выдержать безудержного детского напора.

И, подхватив газету, музейный работник подпрыгивающей походкой воробья отбыл в сторону музейного входа.

– Иди, забирай нашу крошку, – тронула я за плечо кудрявого друга.

В ответ Борис загадочно улыбнулся и поменял опорную руку, подперев ладонью другую щеку. При этом он смотрел на меня осоловелыми глазами мало что понимающего человека, и я подумала, что ночевать, хочешь не хочешь, а при-

дется ехать к нам, заодно Виктория познакомится с моей удивительной бабушкой.

* * *

На этот раз Вика пожелала сидеть сзади, а я уселась за руль, ибо Борька, как вы понимаете, был не в состоянии вести машину. Откинувшись на подголовник, кудрявый друг заливисто храпел, выводя носом замысловатые рулады. Звонok смартфона застал меня врасплох. Достав аппарат и убедившись, что это Митя, я как можно приветливее произнесла:

– Да, Митенька, что ты хотел?

– Я хотел узнать, сколько мне еще стоять возле твоей машины, – обиженно проговорил любимый.

– А что ты там делаешь? – удивилась я.

– Хочу тебя дождаться и взглянуть в твои бессовестные глаза.

– Митюш, езжай домой, я сегодня поеду на дачу, давно стариков не навещала, – извиняющимся тоном проговорила я.

– Ну что же, я чувствовал подвох! Ты меня бросаешь, да? Скажи прямо, я должен это знать!

– Ну что ты, солнце мое, я на самом деле еду к деду и бабушке, можешь позвонить и проверить. Я тебя очень люблю и бросать не собираюсь.

– Правда? – всхлипнул Митя.

– Честное слово, – отозвалась я.

Нажав на отбой, я тут же забыла про Митю и его страдания, погружившись в раздумья и прокручивая в голове полученную информацию. Прежде всего стоит самой себе задать классический вопрос: кому выгодна смерть Дины Муратовой? И самой же ответить, что, во-первых, ее мужу. Хотя Муратов и мой подзащитный, но ведет он себя довольно странно и явно что-то недоговаривает. И приятель у него еще тот – Саша Ткачик. А ведь именно у Ткачика пронирыливый Тайсон вытащил ключи от клетки с тиграми, что послужило причиной гибели дрессировщицы обезьян! И отчего уборщик клеток самым очевидным образом понукает техническим руководителем проекта? Не потому ли, что что-то знает о Муратове? Кроме того, стоит отметить, что в день смерти Варвары Белоконь в иллюзариум приходил журналист Ремизов – надо бы с ним встретиться и переговорить. Может, он заметил что-то интересное?! Затем – музейный работник. Мешков явно не в своем уме, при этом он чувствует себя обиженным и может сделать все, что угодно, вплоть до убийства своих обидчиков. Надо бы узнать, что делал Мешков во время происшествия, ибо его имя тоже произносили в числе прочих обладателей ключа от мансарды.

– Эй, здесь останови! – вдруг прозвучал за спиной требовательный голос Вики.

– Зачем? – с недоумением откликнулась я.

– Останови, мне надо!

Я притормозила на поросшей леском обочине, проехав подальше от валуна, на котором красовался траурный веночек и шлем мотоциклиста, разбившегося на этом самом месте. Честно говоря, я думала, что девочке нужно в туалет. Но Вика, выскочив из машины, припустила обратно к надгробному камню и, остановившись от него на расстоянии вытянутой руки, достала мобильник и принялась щелкать камерой. Виктория снимала валун, в этом не было никаких сомнений! Толкнув локтем Бориса, я дождалась, когда он откроет глаза, проморгается и более-менее придет в себя, после чего указала на Вику.

– Смотри-ка, Борь, что это она делает?

– Фотографирует придорожные памятники, – с хрустом потянувшись, откликнулся приятель. – Все время просит остановиться у веночков, выходит и щелкает. Собрала уже целую коллекцию, такие дела.

– Ну и зачем ей это?

– А ты сама у нее спроси.

Наснимав место аварии неизвестного мотоциклиста во всех доступных ракурсах, девочка вернулась в машину и забралась на заднее сиденье.

– Вика, – осторожно начала я, трогаясь с места, – объясни, зачем ты снимаешь места чужих смертей?

– Я их коллекционирую, – с гордостью отозвалась румяная крошка и мило улыбнулась, отчего на щеках появились

очаровательные ямочки.

– Зачем, Вика?

– По-моему, это круто. На месте смерти человека аура особенная. Я заметила – как будто дыхание перехватывает. Хочешь посмотреть, сколько придорожных могил я насобирала?

Девочка открыла фотогалерею и попыталась сунуть мобильник мне под нос, чтобы я смогла оценить экспонаты ее коллекции, но я сердито пробормотала:

– Я за рулем, не могу отвлекаться от дороги. А то мы вылетим в кювет, и нам поставят такой же камень.

– И что плохого? – удивилась Вика. – Наоборот, было бы здорово вот так вот разбиться, чтобы все проезжали мимо и говорили: «На этом месте кто-то погиб». Умереть не трудно. Кроме того, я поняла одну важную вещь – мертвым быть значительно лучше, чем живым.

– Это еще почему? – насторожился Борис, прислушиваясь к возне на заднем сиденье.

– Все тебя любят, – захлебнулась восторгом девочка, – все раскаиваются, что при жизни мало уделяли тебе внимания, и могила у тебя похожа на цветник. Вот Наташка умерла, и папа на ее могиле бывает чаще, чем в моей комнате.

Внезапно меня накрыло волной странного запаха, сладковатого и одуряющего одновременно.

– Борь, чем это пахнет? – тихо спросила я, приоткрывая окно.

– Не открывай, меня продует, – капризно закричала Вика.

– По-моему, это эфир, быстро съезжай на обочину, – приказал Борис, и я, задыхаясь, включила поворотник и скатилась в кювет.

Выскочив из машины, я опустилась на корточки и так сидела, вдыхая сосновый воздух полной грудью. Немного отдышавшись, я огляделась по сторонам и увидела Бориса, отчитывающего Викторию.

– Ты что же это делаешь, маленькая мерзавка? – орал мигом протрезвевший Джуниор, ухватив девочку за хрупкое плечо и потряхивая в такт словам. – Тоже мне, анестезиолог выискался! Где ты взяла эфир?

– В музее, в служебном кабинете на полочке стоял, – невозмутимо ответила Вика. И тут же заплакала, истерично крича: – Ты все испортил! Мы уже почти врезались в дерево! Так было бы круто – разбившийся «Форд» с тремя телами! Сейчас бы уже люди вокруг толпились, а так проезжают мимо, и никому нет до нас дела.

– Это какой-то ахтунг! – простонал кудрявый друг, обращившись ко мне. – Ты как, Агата? Жива?

– Да вроде бы, – прошелестела я запекшимися губами. – Воняет-то как!

– Еще бы не воняло, Вичка вылила весь эфир на сиденье!

– Подумаешь, эфир! – хмыкнула девчонка, прекращая истерику так же внезапно, как начала. – Запах даже приятный, представь себе, что у тебя такой освежитель воздуха.

– Виктория, побереги свои фокусы для дома, – снова пошел в атаку Борис. – Вернешься в Питер, там и чуды. Пусть папа с тобой разбирается. Ладно, Агата, садись за руль, а то к утру не доедем.

Остаток пути мы проделали без приключений, ибо Борька перебрался на заднее сиденье и глаз не спускал со своей питерской родственницы.

* * *

Заслышав шум мотора, бабушка вышла к воротам.

– Агата, девочка, вот неожиданность! Ого, да ты не одна, – обрадовалась Ида Глебовна, обнимая сначала меня, а затем раскрывая объятия Устиновичу-младшему. – Здравствуй, Боренька, рада тебя видеть. А кто же с тобой такой симпатичный?

– Это Вика, она у нас гостит, – мрачно пояснил Джуниор.

– Отлично, – кивнула бабушка. И, улыбнувшись Вике, представилась: – Меня зовут Ида Глебовна. Веди, Агата, гостей в дом. Сейчас будем ужинать. Владлен как раз вернулся с рыбалки.

В последнее время дед мнил себя страстным рыбаком. С вечера он трудолюбиво копал червей, чтобы с первыми лучами солнца отправиться на озеро, но непременно утреннюю зорьку просыпал и ехал ближе к обеду. Усаживался с удочкой на берегу и впадал в рыболовный транс. Время от време-

ни клевало. Дед маленьких рыбок отпускал, а больших складывал в майонезную банку, которую горделиво привозил домой и ставил у крыльца для соседской кошки Муськи. Вот и сейчас банка с рыбешками стояла на крыльце, и, заметив ее, Вика подозрительно оживилась.

– У вас тут красиво! – улыбнулось дитя, косясь на плотвичку. – Можно я немного погуляю?

– Конечно, деточка, – охотно согласилась бабушка. – Мы позовем тебя, когда все будет готово.

Дед вышел из душа, отдуваясь и фыркая. Синее полотенце свисало с могучей дедовой шеи, банный халат был небрежно запахнут, и из-под него виднелись голые ноги в домашних тапочках.

– Ого, да у нас гости! – встрепенулся он, наткнувшись в коридоре на Джуниора. – Приветствую, Борис! Похоже, намечается партия в преферанс. Ты как, поддержишь компанию?

– Можете не сомневаться, Владлен Генрихович, – солидно отозвался кудрявый друг, пожимая жесткую дедову ладонь.

– С Борисом приехала славная девочка, зовут Виктория, – предупредила бабушка. – Так что смени халат на приличную одежду.

– Само собой, я как раз собирался переодеться, – откликнулся дед, направляясь к двери в спальню. – Борь, проходи в гостиную, располагайся, я скоро приду и расскажу о сегодняшней рыбалке. Клевало – только держись.

– Видел я ваш улов, – сдержанно ответил кудрявый друг, не разделяя восторга рыболова.

Дед удалился в свою комнату, а Джуниор, всегда любивший у нас гостить, все продолжал топтаться у дверей. Приятель выглядел озабоченным. Должно быть, происшествие с эфиром не давало ему покоя и наводило на тяжкие размышления.

– Э-э, Агатка, – отозвав меня в уголок, зашептал приятель. – Ты бы поговорила с бабушкой насчет Вички, а то она меня того. Пугает.

– Я и сама собиралась, – призналась я. – А кто такая Наташка, которая умерла?

– Викина сестра-близняшка, погибла три года назад.

Нетерпеливый звонок в дверь прервал наши перешептывания. Бабушка вышла из кухни и отправилась открывать, выкрикивая на ходу:

– Иду, иду, сейчас открою!

Должно быть, она думала, что это Вика, но в дверях стояла хозяйка соседской кошки Муськи, заглянувшая за угощением для своей любимицы.

– Ну, где же рыбка? – игриво спросила она. – Мусечка заждалась.

– Да там же, где и всегда, банка на крыльце стоит, – отозвалась бабушка.

– Там нет ничего, – пожала плечами женщина.

– Ну что ты, Ларочка! Ты просто не заметила. Идем, вме-

сте посмотрим, – увлекая соседку за собой, вышла во двор Ида Глебовна.

Мы с Борькой переглянулись и, томимые тяжелыми предчувствиями, двинулись следом за женщинами. Банки с рыбешкой и в самом деле на крыльце не оказалось.

– Может, Вика взяла? – осторожно предположила я.

– Да ну, Агата, зачем ей? – с недоумением взглянула на меня бабушка.

Однако я-то знала, что девочка эта не так проста, как кажется на первый взгляд. Повернувшись лицом к саду, я пронзительно крикнула:

– Ви-ик! Ви-ика! Ты где?

У беседки зашуршали кусты, и мы с Борисом устремились туда. Бабушка за нами еле поспевала, за ней семенила соседка. Первым к беседке подбежал Борис. Он остановился как вкопанный перед увитым плющом входом, и мне пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть через его плечо и увидеть Вику. Девочка сидела в глубине беседки и, держа перед собой садовые ножницы, сосредоточенно обстригала плотвичке плавники. Рыбка извивалась в детских руках, но Вика, насупив рыжие бровки, продолжала свое дело. Остальные рыбки конвульсивно дергались в тазу с водой, уже лишенные средств передвижения.

– Что ты делаешь? Немедленно прекрати! – страшным голосом проговорил Борис.

– Я провожу эксперимент, – бесстрастно откликнулась де-

вочка, продолжая кромсать рыбку.

– Господи, какой кошмар! – в ужасе всплеснула руками соседка, добравшаяся до беседки последней. – Рыбки живые, им больно!

Ида Глебовна, внимательно наблюдавшая за девочкой из-за моей спины, раздвинула нас с Борькой в стороны и подошла к Вике. Забрав из рук девочки ножницы, бабушка ласково проговорила:

– Пойдем-ка, Виктория, поужинаем, а потом поиграем. Ты любишь тесты?

– Смотря какие, – сморщила курносый нос девочка. И сердито потребовала: – Верните ножницы, я еще не закончила. Я все привыкла доводить до конца.

– Это похвальное качество, но ножницы я тебе не верну, – твердо проговорила бабушка, подхватывая таз с покалеченной плотвичкой и устремляясь из беседки прочь.

После долгих уговоров соседка все же согласилась забрать рыбу Муське, хотя долго охала и ахала, удивляясь детской жестокости. Выглянувший на шум дед бросил короткий взгляд на таз, затем внимательно посмотрел на бабушку, и они друг друга поняли без слов. Но виду никто из них не подал – Ида Глебовна как ни в чем не бывало распахнула двери гостиной и проговорила:

– Прошу всех к столу, а потом мы с Викторией вас покинем – у нас неотложные дела.

Борька оптимистично улыбнулся – дескать, теперь-то все

будет хорошо, – и подмигнул мне круглым серым глазом.

* * *

На ужин бабушка приготовила утиную грудку под сырным соусом, которую кудрявый друг умял за пять секунд. Дед неторопливо работал ножом и вилкой, время от времени внимательно поглядывая на Вику. Девочка лениво ковырялась в тарелке, бормоча себе под нос: «Как вы только едите такую гадость» и старательно не замечая страшных глаз Бориса, которыми тот призывал ее к порядку. И только бабушка делала вид, что ничего не случилось. Она весело рассказывала об их с дедом поездке в Тунис, откуда они недавно вернулись. Доев, дед сдержанно поблагодарил и поднялся из-за стола, чтобы уйти к себе в кабинет – по напряженному виду Бориса он понимал, что гостю не до преферанса. Ида Глебовна тоже отодвинула тарелку и сказала:

– Чай через полчаса, а сейчас мы с Викторией вас покинем.

– Чего вы ко мне прицепились? – взбрыкнула девочка. – Не хочу я никуда идти, мне и здесь хорошо!

– И все-таки ты сейчас доешь и пойдешь со мной, – жестко проговорила бабушка, и в голосе ее слышались стальные нотки.

Вика удивленно посмотрела на подтянутую хозяйку дома, которая внезапно из приветливой старушки превратилась в

суровую даму, и послушно поднялась из-за стола.

– Ты меня прости, Агатка, – покаянно повесил голову Борис, как только мы остались одни. – Я даже представить себе не мог, что у Вики есть пузырь с эфиром.

– Да ладно, забудь, – отмахнулась я. – Меня занимает другое. Вика сказала, что взяла пузырек в музее. Зачем Мешкову понадобился эфир?

– Понятия не имею, – безразлично откликнулся Борис. И озабоченно добавил: – Интересно, что скажет твоя бабушка?

– Ничего хорошего не скажу, – раздался голос Иды Глебовны. Бабушка перешагнула порог комнаты, плотнее прикрыла за собой дверь и, внимательно глядя на Бориса, спросила: – Борь, припомни, у девочки были травмы?

– Психологические? – уточнил Джуниор.

– В том числе, – согласилась Ида Глебовна.

– Ну-у, вообще-то три года назад их семью грабили.

– И-и?

Устинович-младший сокрушенно покачал головой и, понизив голос, продолжил:

– Что-то у грабителя пошло не так, Вику и ее сестру Наташу он взял в заложники, и девочки сутки просидели с бандитом в ванной. Вика говорит, они с ним даже подружились. Сами понимаете – стокгольмский синдром. А потом ворвались спецназовцы и вынесли парню мозги.

– Прямо при девочке? – тихо спросила бабушка.

– Ну, а как еще? – хмыкнул Борька. – Перед тем как уме-

реть, грабитель успел пару раз выстрелить. Наташа умерла на месте, а Вика полгода провалялась в больнице с травмой головы. С ней занимались психологи, пытались устранить последствия шока, но, похоже, все псу под хвост.

– Значит, все-таки были травмы, – вздохнула бабушка. – И физическая и психическая. Сейчас мы закончим с тестами, а потом надо будет обследоваться – сделать томографию и ЭЭГ. Есть кому девочкой заниматься?

– Ида Глебовна, тут такое дело, – почесал затылок Борис. – Грабитель оказался любовником матери девочек, и матушку Вики привлекли за соучастие. Дали пять лет колонии общего режима. Так что теперь Викин отец растит дочку один, часто мотается по командировкам, и ему особенно некогда разъезжать с Викторией по врачам.

– Некогда, а надо, – поджала губы бабушка. – Скажи спасибо, что я свободна. Я посмотрю, что можно будет сделать. Думаю попробовать терапию сказкой, можно включить в программу реабилитации игровые приемы. Ну и, конечно же, проведем полное обследование головы. У меня есть хорошие знакомые в Филатовской больнице, думаю, с этим не будет проблем.

– Ида Глебовна, я ваш должник! – горячо заговорил Борис, с благодарностью глядя на бабушку. – Думаете, я не вижу, что с Викторией что-то не так? Я и сам хотел ей помочь, только мне некогда.

– Понятно, все очень занятые люди, – откликнулась ба-

бушка. – Ладно, пойду, время теста заканчивается. Посмотрим, что там Вика нарисовала.

Ида Глебовна вышла из комнаты, а я вытряхнула из сумки блокнот и открыла на той странице, где записывала беседу с клиентом. Борис пробежал глазами записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.